

В.И. Герье

**Первая русская
государственная дума**

**Политические воззрения и
тактика её членов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Герье**
Первая русская государственная дума: Политические воззрения и тактика её членов / В.И. Герье – М.: Книга по Требованию, 2019. – 120 с.

ISBN 978-5-518-02746-6

ISBN 978-5-518-02746-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Первая русская Государственная Дума!

Какое это великое *слово*! Какой длинный рядъ страстныхъ вождельнѣй имъ завершается! Уже столѣтъ тому назадъ была сдѣлана первая попытка ввести въ Россіи конституціонный образъ правленія. Она исходила отъ идейно настроеннаго Государя, но опередила свой вѣкъ; даже европейски образованный Карамзинъ желалъ видѣть въ Государѣ *единого* законодателя, единственный источникъ всякой власти.

Но годы шли, поколѣнія смѣнялись и въ настоящее время русская Дума стала совершившимся и несокрушимымъ фактомъ.

Какая, съ другой стороны, свѣтлая перспектива на будущее заключается въ этомъ словѣ! Привлеченіе народныхъ представителей къ законодательной дѣятельности правительства и къ контролю надъ администраціей является переломомъ въ исто-

риі Россіи—переломомъ не менѣе знаменательнымъ чѣмъ тотъ, съ котораго два вѣка тому назадъ началась новая исторія Россіи: тогда Петръ Великій перенесъ на русское государство формы европейскаго просвѣтительнаго абсолютизма, теперь Россія заняла свое мѣсто среди конституціонныхъ монархій Европы. И если прежде отвѣтственность за успѣхъ государственнаго дѣла лежала на немногихъ правителяхъ, то теперь эта отвѣтственность раздѣляется не только многочисленными членами Государственной Думы, но и всѣми ея избирателями. Въ виду этого опытъ съ первой Государственной Думой, первое выступленіе на историческую сцену „народныхъ представителей“ получаетъ особенное значеніе. Въ немъ должна была отразиться политическая зрѣлость людей, призванныхъ къ столь высокой роли—степень культурности самого общества, облекшаго ихъ своимъ довѣріемъ.

Но изученіе этого перваго опыта въ искусствѣ орудовать сложнымъ конституціоннымъ аппаратомъ представляетъ не одинъ только теоретическій интересъ. Послѣ перваго опыта, столь мимолетнаго и столь мало удачнаго, предстоитъ цѣлый рядъ другихъ опытовъ. Существенно поэтому оглянуться назадъ, разобраться въ массѣ впечатлѣній, которыя ежедневно въ насъ вызывались отчетами о засѣда-

ніяхъ въ Таврическомъ дворцѣ, еще разъ на досугъ прислушаться къ рѣчамъ ораторовъ, взвѣсить высказанныя ими политическія сужденія и ближе присмотрѣться къ тактикѣ дѣйствовавшихъ въ Гос. Думѣ партій.

Первая русская Дума представляетъ собою интересное и во многихъ отношеніяхъ вѣрное изображеніе современнаго состоянія Россіи. Наглядно бросается прежде всего въ глаза разнообразіе этнографическаго состава Россіи. Ядро Думы составляли 265 ¹⁾ человекъ великороссовъ — это немного болѣе половины (пять восьмыхъ) общаго числа депутатовъ; около нихъ группировались 62 малоросса и 12 бѣлороссовъ; 51 полякъ и 10 литовцевъ; 13 евреевъ; 6 латышей, 4 эста и 4 нѣмца; 8 татаръ и 4 башкира и по 2 или по одному экземпляру разныхъ народностей, сохранившихся въ видѣ маленькихъ островковъ въ русскомъ морѣ — мордвиновъ, вотяковъ, чувашей, черкесовъ, чеченцевъ, калмыковъ, молдаванъ и болгаръ.

Также вѣрно отражала собою Дума контрастъ культурныхъ наслоеній, характеризующихъ современную Россію: рядомъ съ депутатами, выразившими надежду, что „Дума охлопочетъ имъ земли-

¹⁾ По числу депутатовъ, находившихся въ Думѣ къ 1 іюня.

цы“, сидѣли книжники-ревнители англійской парламентарной теоріи и техники.

Вызываемый культурнымъ различіемъ антагонизмъ проявлялся иногда въ характерныхъ формахъ. Такъ одинъ изъ депутатовъ, отстаивавшій выработанное аграрной комиссіей обращеніе къ народу, выставилъ въ его защиту слѣдующій аргументъ. „Тѣ депутаты, которые не порвали, по моему мнѣнію, сношеній съ народомъ, которые имѣютъ прямое общеніе съ нимъ, которые пришли въ Думу изъ народа „босыми ногами сквозь терніи“, тѣмъ депутатамъ не покажется беззаконнымъ указаніе обратиться къ народу съ невинной пояснительной запиской. Но тѣ господа, которые, можетъ быть, пришли въ Думу, не только въ сапогахъ и галошахъ, но и черезъ розы, тѣ облакаютъ себя, по моему мнѣнію, такимъ величіемъ, что обратиться къ народу кажется имъ чѣмъ-то недопустимымъ“.

Этотъ депутатъ, обличавшій „господъ въ сапогахъ и галошахъ“, обнаруживалъ самое мирное настроеніе. Въ другихъ случаяхъ некультурность проявлялась рѣзче, какъ, напр., въ „привѣтствіи“, которое одинъ изъ сибирскихъ депутатовъ привезъ Думѣ отъ крестьянина „Кулака“. Передавъ Думѣ „низкій поклонъ отъ собранія выборщиковъ“ своего города, депутатъ сообщилъ, что „иниціаторомъ

этого предложенія былъ неграмотный крестьянинъ дикаго Алтая по фамиліи Кулакъ. Рѣчь Кулака была не велика, не сложна, но она была во всякомъ случаѣ для насъ, интеллигентовъ, интересна. Онъ горилъ: „Идутъ вѣсти, что нашимъ братьямъ въ Думѣ тяжело, что у нѣкоторыхъ уже сердца разорвались. Поэтому имъ необходимо сказать, что въ губерніи есть у нихъ помощь, есть помощники“. Ближайшую ночь передъ выборами Кулакъ провелъ въ пересыльной тюрьмѣ, но и послѣ этого дума о Думѣ у него нисколько не уменьшилась, и восторженная вѣра въ силу и въ значеніе Думы нисколько не умалилась. Поэтому я позволю себѣ, кромѣ настоящаго привѣтствія отъ собранія выборщиковъ, передать Думѣ привѣтствіе и отъ выборщика Кулака“ (*Аплодисменты*).

Это сообщеніе касается одной характерной черты первой русской Думы. Едва ли въ какомъ-либо другомъ парламентѣ играли такую роль депутаты, попадавшіе въ него „не съ мѣста своего жительства“, по выраженію одного изъ депутатовъ— „часто мы попадали сюда прямо изъ тюрьмы“.

Но замѣчаніе о депутатахъ, попавшихъ въ Думу „не съ мѣста своего жительства“, оправдывается еще въ другомъ, болѣе общемъ смыслѣ. Сколько было въ Думѣ депутатовъ—интересно бы знать ихъ

число,—не имѣвшихъ ничего общаго съ пославшей ихъ въ Думу мѣстностью—ставленниковъ не мѣстнаго населенія, а партійной организаціи!

Такимъ образомъ первая русская Дума является интереснымъ отраженіемъ современнаго состоянія Россіи и момента, пережитаго ею передъ выборами. Но является ли Дума столь же вѣрнымъ отраженіемъ и показателемъ политическихъ вождельній русскаго народа?

Въ этомъ весь вопросъ! Несомнѣнно то, что Дума выражала собою современное общественное настроеніе въ его *крайнихъ* направленіяхъ. Въ общественномъ броженіи всегда всплываютъ вверхъ и получаютъ преобладаніе наиболѣе революціонныя партіи. Поэтому и въ Россіи первая Дума стала ареной революціонныхъ партій. Самой многочисленной и вліятельной изъ нихъ была партія конституціонно-демократическая (кадетская), называющая себя также партией народной свободы. Она организовалась, по признанію ея вождя, изъ двухъ группъ— „союза освобожденія“ и „союза земскихъ конституціоналистовъ“, дѣятельность которыхъ первоначально была „по необходимости конспиративной, или по меньшей мѣрѣ полуконспиративною“ ¹⁾.

¹⁾ См. брошюры к.-д. партіи: Съѣздъ 12 — 18 ок. 1905; Постановленія II Съѣзда 5—11 янв. 1906 г., стр. 12, а также III-го Съѣзда 21—25 апр.

Такъ и въ русской исторіи повторилось то же явленіе, которое отмѣтилъ польскій историкъ Мохнацкій, замѣтившій, что въ Польшѣ „всѣ революціи возникали изъ дѣятельности тайныхъ обществъ“.

Итакъ дѣятельность первой русской Думы является проявленіемъ дѣятельности партіи, которая въ свою очередь продолжала дѣло двухъ конспиративныхъ обществъ. Поэтому въ программахъ этихъ обществъ и образовавшейся изъ нихъ партіи слѣдуетъ искать объясненія плана дѣйствій, которымъ руководилось большинство Думы, и цѣлей, которыми она задавалась.

Характерно для этой партіи—и это отразилось потомъ на дѣятельности Думы—то, что она желала видѣть въ социаль-демократическихъ группахъ „не противниковъ, а союзниковъ“. Уже это одно дѣлало ее революціонной. Не касаясь здѣсь социальной и аграрной стороны программы к.-д. партіи, мы остановимся на политической.

Рѣзко революціонный характеръ к.-д. партіи вполне обнаружился въ программѣ, выработанной учредительнымъ съѣздомъ партіи 12—14 окт. Въ этой программѣ въ отдѣлѣ государственнаго строя не упоминается ни единымъ словомъ о монархѣ и о царской власти. Лишь на второмъ съѣздѣ 5—11 янв. было принято болѣе опредѣленное указаніе на форму.

правленія Россіи, какъ „конституціонной и парламентарной монархіи“ съ поясненіемъ, что подъ этимъ разумѣется такая монархія, въ которой управленіе осуществляется министрами, поддерживаемыми большинствомъ народнаго представительства, т.-е. ставленниками этого большинства. Обнародованіе „Основныхъ Законовъ“ до крайности раздражило партію, что обнаружилось на III-мъ съѣздѣ 21—25 апрѣля, т.-е. наканунѣ собранія Думы. Здѣсь было заявлено, что „правительство рѣшило бросить русскому народу новый вызовъ. Изданы основные законы и право ихъ пересмотра *отнято* (?) у народа“. Въ виду этого было постановлено, что партія будетъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей, „не останавливаясь передъ возможностью открытаго разрыва съ правительствомъ“, и что „никакія преграды, создаваемые правительствомъ, не удержатъ народныхъ избранниковъ отъ исполненія задачъ, которыя возложены на нихъ *народомъ* (?)“.

Съѣздъ высказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ „увѣренность, что въ самыя тяжелыя минуты предстоящей борьбы имъ будетъ оказана дружная поддержка не только партіей, но и всей страной“.

Первымъ плодомъ усвоенной к.-д. партіей тактики былъ „отвѣтный адресъ Государственной Думы на тронную рѣчь Государя Императора“.

Этотъ первый адресъ представителей русскаго народа своему Государю поразителенъ тѣмъ, что въ немъ есть, и тѣмъ, чего въ немъ нѣтъ. Даже лица, враждебныя „старому порядку“, были поражены тѣмъ, что въ отвѣтномъ адресѣ не было ни одного слова благодарности монарху, осуществившему давнишнія желанія русскаго либерализма, и признавали это большою политической ошибкой. Французы по крайней мѣрѣ въ началѣ своей революціи не знали предѣла своему восторгу, хотя Людовикъ XVI лишь возстановилъ давнишнее національное учрежденіе, созвавъ *вновь* Генеральные Штаты. Въ Россіи выборное народное представительство съ обширными законодательными полномочіями, со званное самодержавнымъ Государемъ, было переломомъ въ государственномъ строѣ. И ни слова признанія!

Удивляться однако тутъ нечему. Составители адреса не усматривали никакой заслуги въ *самоограниченіи* монарха, потому что знать не хотѣли русской исторіи и русскаго государственнаго права. Они стали на почву новаго права, прекрасно названнаго на простонародномъ языкѣ *захватнымъ* правомъ.

Вслѣдствіе этого чистосердечныя и вполне ясныя слова тронной рѣчи были перетолкованы въ совер-

шенно превратномъ смыслѣ и въ нихъ вложены вождельнія партіи. Не довольствуясь законодательною ролью, отведенной Г. Думѣ *основными законами*, адресъ требовалъ, чтобы „никакія особыя узаконенія не полагали предѣла законодательной компетенціи народнаго представительства“ и уничтоженія Государственнаго Совѣта. Не довольствуясь вліяніемъ на управленіе страной посредствомъ права запроса министрамъ и критики ихъ дѣйствій, адресъ потребовалъ „отвѣтственнаго передъ *Думою* министерства, обновленія администраціи на всѣхъ ступеняхъ Государственной службы“.

Въ награду за это адресъ сулилъ монарху „полную безотвѣтственность“. Это значило, что Государю отводилось почетное положеніе мраморной статуи въ завѣшенномъ храмѣ, отъ имени которой жрецы произрекали бы народу *свою* волю.

А такъ какъ этому препятствовали „основные законы“, то адресъ заговорилъ о пересмотрѣ ихъ: „Не можетъ быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ монархомъ“. Подъ этимъ „евфемизмомъ“ скрывалось притязаніе на *учредительную* власть, т. е. затаенное желаніе превратить Думу въ *Учредительное Собраніе*.